

АЯНА ГРЕЙ

ХИЩНЫЕ ТВАРИ

НАВСТРЕЧУ
ГИБЕЛИ

Продолжение
МИРОВОГО
бестселлера

Хищные твари

Аяна Грей

Хищные твари. Навстречу гибели

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Грей А.

Хищные твари. Навстречу гибели / А. Грей — «Эксмо»,
2022 — (Хищные твари)

ISBN 978-5-04-201346-1

Бестселлер The New York Times! Экранизация от Netflix. «Лучшее фэнтези» по версии журналов Kirkus и Parade и премия YALSA Best Fiction for Young Adults 2022. Продолжение бестселлера «Хищные твари»! Африканское фэнтези о поиске свободы, принятии собственных страхов и о том, как важно помнить собственные корни. Чудовища, которое угрожало городу, больше не было. Но жители Лкоссы никогда не узнают правду о том, что его вообще никогда не было. Только девушка, превращенная в монстра. Коффи спасла свой город и тех, кто ей дорог. Но цена оказалась слишком высока. Теперь она прислуживает богу смерти, собирающемуся захватить мир. Коффи знает, что ее единственный шанс спасти близких — это сбежать. Но как это сделать, когда некому доверять? Экон никогда больше не сможет вернуться к Сынам Шести. Ему придется выживать в одиночку и искать помощи среди самых неожиданных союзников. Коффи и Экону предстоит рискнуть всем, чтобы изменить судьбу и снова найти друг друга. Для поклонников книг «Песнь призраков и руин», «Железная Вдова» и «Проклятие тигра». «Это превосходно! История, полная эмоций и волшебства». — Рошани Чокши, автор романа «Звездная королева» «Восторг! Я редко влюбляюсь в персонажей так же быстро, как я влюбилась в Коффи и Экона». — Шеннон Чакраборти, автор бестселлера «Латунный город» «Вас ждут головокружительные сюжетные повороты, нескончаемый экшен и незабываемые персонажи, за которыми вы проследуете на край света». — Маргарет Роджерсон, автор книги «Магия шипов»

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-201346-1

© Грей А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть 1. Молчаливый муравей живет дольше, чем смешливая гиена	7
Несказанное вслух. Бинти	7
Глава 1. Хозяин Тернового замка	13
Глава 2. Маленькая мышь	19
Глава 3. Тупой нож	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аяна Грей

Хищные твари. Навстречу гибели

Ayana Gray
Beasts of Ruin

© 2022 by Ayana Gray

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Дедушке Астону – в тишине я по-прежнему слышу, как ты
играешь на трубе.*

Пять Ветвей Дарадж:

Ветвь Мвили • Ветвь Тела

Ветвь Акили • Ветвь Ума

Ветвь Маиша • Ветвь Жизни

Ветвь Купамбана • Ветвь Боя

Ветвь Уфунди • Ветвь Ремесла

Часть 1. Молчаливый муравей живет дольше, чем смешливая гиена

Несказанное вслух. Бинти

В хрупкие часы перед закатом город во власти монстров.

Сбивчивый ритм пульсирует в груди, как барабан, обтянутый козлиной кожей, когда я касаюсь кинжала в ножнах на боку. Это скромное оружие – маленькое и грубо сделанное, – но я нахожу утешение в его весе и в форме его резной деревянной рукояти. Облака над головой черно-синие, как следы ушибов, набухшие дождем и злобой. В раскатах грома я слышу их недовольство. Облака знают, что я замышляю.

Они смотрят на меня, и я уже обречена.

Грязь липнет к сандалиям, так что мне хочется сбросить их и двинуться дальше босиком, но я сопротивляюсь этому искушению. Это моя единственная обувь, и добывать новую – роскошь, которую я не могу себе позволить. Каждый шаг отягощен неуверенностью, и я задумываюсь, не повернуть ли назад сейчас, до того как меня поймают и накажут, но время в столь поздний час – алчное создание, оно пожирает мысли и не оставляет места для сомнений. Я ускоряю шаг.

Нужно двигаться дальше.

Глинобитные постройки наступают с обеих сторон, грозя удушить запахами гниющего мяса, ферментированных фруктов и бычьего навоза. По мере того как я углубляюсь в нутро района Чафу, мне попадает все больше заброшенных домов. Готова поклясться, что их незастекленные окна следят за мной, как пустые отрешенные глаза, вместе с облаками наблюдая за моим продвижением. За ними поднимаются мягкие пики вечнозеленых сосен, которые выше самых высоких городских зданий. Они напоминают мне о том, что совсем рядом печально известные Великие джунгли и их легенды, но я не могу об этом задумываться – не сейчас.

Я обхожу блохастую кошку, пересекая один из тускло освещенных перекрестков, и чувствую, что на что-то наступила: смятый кусок пергамента, исписанный лазурными чернилами. Такой цвет используется только для документов, которые создаются в городском храме – храме, в котором *моему* народу молиться не дозволено. Какой-то инстинкт велит мне не читать то, что там написано, но я все равно подбираю пергамент и неуверенно разглаживаю скрученные уголки. Кое-где он испачкан грязью, но рисунок посередине все равно отчетливо различим.

На меня смотрит маленькая девочка, которой с одинаковой вероятностью может быть и восемь, и двенадцать, точно не сказать. На грубом, нарисованном синими линиями наброске ее глаза выглядят темными и настороженными, лицо исхудавшее. Над портретом различимо одно написанное жирным словом: ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ. Под ним – еще несколько смазанных фраз, написанных торопливо и неровно.

ЖЕНЩИНА-ДАРАДЖА

Внешность: черные волосы, коричневые или черные глаза

Возраст: неизвестен

Рост: около 150 сантиметров

Вес: около 25 килограммов

Основание для розыска: противоправная деятельность

Примечания: награда в 500 шаба тому, кто приведет ее живой

Взгляд тут же притягивают слова *противоправная деятельность*, и внизу живота начинают скапливаться новые эмоции. Их гул становится все сильнее, я позволяю пергаменту выскользнуть из пальцев и упасть на землю. Я заставляю себя назвать каждое чувство, хватая их, как разлетающиеся одуванчики. Первой наружу просачивается тревога, за ней следует страх, сожаление и, наконец, вина. Я прикусываю щеку изнутри так сильно, что ощущаю медный привкус крови.

Чувство вины – еще одна роскошь, которую я не могу себе позволить.

Я снова тянусь к кинжалу и вожу подушечкой большого пальца по его рукояти, пока не успокаиваюсь.

«Ты должна это сделать, – говорит воображаемый голос в голове. Он похож на мой, но более убедителен. – Соверши это последнее дело, и ты наконец будешь свободна. Ты будешь в безопасности. Она будет в безопасности».

В безопасности. Я прячу это слово в ножны, как второе оружие, расправляю плечи и шагаю дальше во тьму.

* * *

Когда я подхожу к окраинам Лкоссы, холод пробирает до костей. С севера деревья Великих джунглей образуют естественный барьер, который не пропускает ветра в сезон дождей. Но здесь, на западной границе города, лишь поля лемонграсса по пояс; они совершенно не задерживают холодный ветер, который яростно хлещет по щекам. Каждый вдох обжигает ноздри, с каждым шагом пальцы немеют. Я посильнее натягиваю на голову капюшон потрепанного коричневого плаща. Наверху раздается гром, и я говорю себе, что надвигающийся дождь – *настоящая* причина, которая заставляет меня прикрыть голову, – дело не в страхе или нежелании быть замеченной.

Извилистая тропа приводит меня к заброшенной лавке, которая стоит чуть поодаль от других. Деревянные пластинчатые ставни, покосившись, свисают с окон, а скромный фасад за десятилетия изуродовали граффити, но это мало что для меня значит. Эта лавка сегодня имеет лишь одно значение: она станет моим убежищем.

Я вскрываю главную дверь, вхожу, смахивая с лица шелковые паутинки, и тут же приседаю под подоконником. Позиция выгодная – отсюда видна вся тропа, но идущий по ней не заметит меня. Я снова бросаю взгляд на небо. Облака по-прежнему висят низко, но за ними я различаю едва заметные признаки того, что исчерченное черными полосами небо Лкоссы меняет цвет. Закат уже близок, и мое время истекает. Напряженные мышцы болят, секунда проходит за секундой, и каждая как маленькая вечность; я надеюсь, что, может быть, все-таки переоценила ее. Может, после всего она не ответит на мои призывы.

Внезапное движение на другом конце пограничной тропы заставляет меня застыть.

Мое дыхание ускоряется, когда облака расходятся и поток бледного мерцающего звездного цвета рассекает темноту, как клинок. Он подсвечивает скрюченный силуэт пожилой женщины, уверенно шагающей вперед босиком. Ее когда-то белая туника, теперь перепачканная и изорванная, болтается на теле, как наряд пугала. Орехово-коричневая кожа туго обтягивает череп, так что ее изможденное лицо пугающе напоминает живой труп. Курчавые, цвета соли с перцем волосы коротко подстрижены и ужасно лоснятся, словно их давно не расчесывали и не мыли. Она проводит языком по губам, смотрит налево и направо, выискивая кого-то. Видя ее, я не могу сдержать дрожь. Я знаю, кто она, и знаю, как некоторые люди ее называют. Я смотрю в окно, и моя рука скользит к кинжалу в третий и последний раз. Клинок глухо скрежещет, когда я вытаскиваю его из ножен. Я считаю шаркающие шаги женщины, наблюдая и выжидая. А потом:

– Если собираешься убить меня, лучше поспеши. Не собираюсь торчать тут всю ночь.

Я застываю, когда женщина бросает взгляд на окно лавки, в которой я прячусь. Пригибаюсь – слишком поздно.

– Выходи, – хрипло говорит она. – *Сейчас же.*

Разрази меня гром.

Проходит несколько неприятных секунд, а потом я нерешительно выхожу из магазина. Когда старуха видит меня, она словно не верит своим глазам.

– Бинти?

Я поеживаюсь. Уже много лет я не откликаюсь на свое старое имя, но даже сейчас, когда слышу, как его произносят, это берedit рану. Слезающиеся глаза женщины расширяются, и я вижу, как на ее лице сменяются эмоции – узнавание, растерянность, а затем радость. И радость злит меня больше всего. Я научилась не доверять Кобре в таких вещах, как радость, и по опыту знаю, что ее радость редко сулит что-то хорошее для меня. Она движется вперед, и я отступаю на шаг. Это, похоже, оскорбляет ее, но я игнорирую ее полный страдания нетерпеливый взгляд. Открытое пространство между нами – необходимая предосторожность, место для того, что не высказано вслух. Кобра прищурившись смотрит на меня.

– Не понимаю, – говорит она. – Мальчишка-посыльный сказал прийти сюда. Это *ты* его послала?

– Да.

Глаза Кобры опускаются с моего лица к кинжалу, который я по-прежнему сжимаю в руке. Она не выглядит испуганной или расстроенной – лишь разочарованной. Почему-то это еще хуже.

– Итак, – с ноткой покорности в голосе произносит она, – *для этого* ты меня призвала – чтобы убить? Признаю, я немного удивлена.

– Ты не оставила мне выбора.

Я сжимаю кинжал еще крепче, резная рукоять впивается в ладонь.

– Я же сказала: оставь нас в покое.

– Так я и сделала.

– Тебя видели снова, – рывкаю я. – У стен Ночного зоопарка. Люди начинают задавать вопросы.

Кобра ненадолго замолкает, разминая пальцы.

– Я просто хотела убедиться... – Она запинаясь. – Просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

Я морщусь:

– У нас и без тебя все нормально.

– *Правда?* – Кобра вскидывает брови. – Значит, Бааз Мтомбе хорошо платит тебе и Лесего?

– Дело не в деньгах. – Мой голос невольно звучит так, будто я оправдываюсь. – Дело в стабильности.

– *Ах да.* – В голосе Кобры появляется язвительность. – Ничто так не гарантирует стабильность, как долговое рабство. Скажи мне, если вы с Лесего работаете целый день, кто присматривает за...

– Не надо. – Я стискиваю зубы так, что слышен скрежет. – Не смей произносить имя моей дочери.

Кобра оценивающе смотрит на меня.

– Ты не сможешь скрывать это от нее вечно, – шепчет она. – Скрывать, кто она, кем она должна стать... если это подавлять, ей же будет труднее. Это у нее в крови, и ты *никак* не можешь этого изменить.

Я слышу в ее голосе нотку удовлетворения, и мой страх и вина мгновенно превращаются в нечто иное – липкий всепоглощающий гнев, который стискивает горло. Этого не должно было

случиться, я не должна была позволять ей вывести меня из себя. Призрак улыбки касается краешка рта Кобры, словно она слышит мои мысли.

– Это была смелая идея, – сухо говорит она, кивая на мой кинжал. – Но мы обе знаем, что ты никогда меня не убьешь. Ты не такая.

Я сильно прикусываю нижнюю губу, вгрызаюсь в нее, пока не чувствую боль. Она права, и я это знаю. Я ненавижу Кобру, она меня пугает, ее присутствие в моей жизни – как отравленный шип, который колет бок и постоянно отравляет. Но даже этого недостаточно, чтобы придать мне смелости, которая нужна, чтобы довести дело до конца. Я не могу убить ее. На лице Кобры появляется надменность, когда я убираю клинок в ножны. Но она празднует победу преждевременно. Она не знает, что у меня есть еще одно, скрытое, оружие.

– Ты права, – шепчу я. – Я не могу убить тебя, но Сыны Шести могут.

Наконец-то я вижу реакцию, которой добивалась. Я ощущаю всплеск извращенного удовольствия, когда надменность исчезает с лица Кобры в одно мгновение, словно мы играли в карты и я показала свою руку. Она потрясенно смотрит на меня.

– Ты... ты не станешь.

Я выпрямляюсь, впервые за долгое время ощущая сладкий вкус силы, вкус власти.

– Я видела плакаты с объявлениями о розыске, – тихо говорю я, – и знаю, сколько Кухани готов заплатить за поимку дараджи. Пять сотен шаба за ребенка. Представь, сколько я получу, если дам *Кобру*.

– Ты не станешь, – повторяет она. – Ты не поступишь так со мной. – Воздух вокруг нас застывает, будто ждет, что случится дальше.

– Я сделаю все, что понадобится, чтобы защитить свою семью.

Кобра начинает нервно переминаясь с ноги на ногу. Она вдруг кажется более хрупкой, маленькой и старой, чем я ее помнила. Глубокие морщины, обрамляющие рот, обманчивы – они не принадлежат женщине ее лет, как и серо-белые волосы. Я наблюдаю за тем, как она двигается – медленно и неловко, хотя раньше была быстрой и гибкой. Она напоминает мне дерево, которое когда-то было прекрасным, но слишком рано загнило и теперь разлагается изнутри. Наши взгляды встречаются – ее глаза блестят.

– Бинти, я...

– *Перестань* так меня называть.

Она дергается, словно я ее ударила.

– Прости. Просто скажи, чего ты хочешь. Если тебе нужны деньги...

– Держись подальше от моей семьи, вот и все.

– Хорошо. – Кобра быстро кивает. – Даю слово.

– Нет. – Я качаю головой. – Мне нужно больше, чем твое слово. Мне нужно обещание. – Я замолкаю на несколько секунд. – Мне нужен вечный обет.

Кобра открывает рот от удивления, и в этот момент над нами раздается раскат грома.

– Бинти, ты же не хочешь сказать, что...

– Таково мое условие.

Она хмурится.

– Ты хоть представляешь, какая сила заключена в таком обете? – спрашивает она. – Вечный обет для дарадж священен, это обязательство на всю жизнь.

– Именно.

Кобра нервно оглядывается и кивает:

– У меня нет материалов, необходимых для ритуала. Мне нужно время.

Я прищуриваюсь:

– Вранье.

Улыбка медленно расплзается по ее лицу. В этот момент я поверить не могу, что кто-то не видит, кем эта женщина является на самом деле – змея, свернувшаяся в корзине, хитрая и опасная. К моему неудовольствию, в ее глазах мелькает отблеск гордости.

– Я хорошо тебя учила, – одобрительно произносит она. – Тогда давай начнем.

Она достает из надорванного кармана туники маленький мешочек, который гремит, когда она его трясет. Она наклоняет его, и из него сыплются какие-то белые обломки. Я инстинктивно понимаю, что это, и внизу живота поднимается горячее чувство дурноты.

Кобра крепко сжимает кости в кулаке, затем со сверхъестественной скоростью преодолевает разделявшее нас небольшое расстояние, заполняя воздух запахами земли и дешевого пальмового вина. Я отшатываюсь, но она успевает схватить мой кинжал, и я шумно вдыхаю.

– Дай руку, – приказывает она.

– Которую? – Когда она так близко, мне сложнее сохранять самообладание.

– Не важно.

Повинуясь непонятному импульсу, я протягиваю ей правую руку. Воздух рассекает серебристая вспышка, я чувствую укол, и на моей ладони расплывается алое пятно – между большим и указательным пальцами. Прежде чем я успеваю отреагировать, Кобра таким же быстрым движением рассекает свою ладонь, а затем хватает мою руку и прижимает наши раны друг к другу. Ощущение омерзительное – теплое, мокрое и липкое, – но она не отпускает, словно это обычное рукопожатие. Затем она наклоняется ко мне и низким голосом произносит:

– Они сейчас смотрят на нас – все они.

Во рту становится совсем сухо. Кобра известна своими трюками и уловками, но что-то подсказывает мне, что на этот раз она не врет. Мы по-прежнему одни – здесь, на западной пограничной тропе, – но я чувствую, что на нас смотрят. Кто-то. И еще кто-то. Много взглядов. Я переступаю с ноги на ногу. Мне рассказывали, что дараджи иногда призывают своих предков во время ритуалов. Однако до этого момента я не верила в это.

– Уверена, что хочешь этого? – Ее усталые глаза встречаются с моими, и я чувствую, что в вопросе Кобры скрывается сразу несколько смыслов. – Когда я начну, пути назад не будет. – Я хорошо понимаю, насколько серьезна моя просьба и каковы ее последствия. Но когда я смотрю в глаза Кобры, то вижу не их. Вместо них я вижу глаза дочери, в которых сияет детская невинность. Я должна защитить эту невинность. Я должна защитить дочь. Я *защитищу* ее, чего бы это ни стоило.

– Уверена.

Кобра делает глубокий прерывистый вдох.

– Тогда я призываю своих праматерей в свидетели и клянусь никогда не разыскивать тебя снова в этой жизни. – Слезы наполняют ее глаза. – Кровью, костью и душой мы связываем этот вечный обет. – Она кивает мне: – Повтори.

Эти слова звучат странно, словно они украдены из какого-то давно умершего языка. И все же я заставляю себя их произнести.

– Кровью, костью и душой мы связываем этот вечный обет.

Как только я заканчиваю эту фразу, тепло расходится от того места, где порезы на наших ладонях соприкасались. Волосы у меня на руках встают дыбом, но Кобра стоит неподвижно и не разжимает пальцев. Кости, зажатые между нашими ладонями, обжигают, их острые края и зазубрины впиваются в мою кожу. С ужасом и удивлением я вижу, как светящийся белый пар поднимается над нашими сжатыми ладонями. Он скользит вверх по руке Кобры, обвивает ее шею, на которой появляется круглый амулет – раньше его не было. У меня холодеет кровь.

– Что это?

– Знак вечного обета, – отвечает Кобра. Она без лишних церемоний отпускает мою руку. Ладонь покалывает и чешется, но я не дотрагиваюсь до нее. От пореза, который был на ней несколько секунд назад, не осталось и следа, и я не сразу осознаю, что кости тоже исчезли. Я

по-прежнему не могу отвести взгляда от странного нового амулета, который болтается на шее Кобры, а она тем временем возвращает мне кинжал.

– Это все, – шепчет она. – Прощай, Бинти.

В ответ мне хочется произнести тысячи слов – ужасных, прекрасных, отчаянных. Я выбираю одно.

– Прощай.

Раскаленные добела ленты молний танцуют в небе; над головой раздается раскат грома, от которого дрожит земля. Кажется, будто в небесах разорвался какой-то шов – внезапно мой плащ насквозь пропитывают потоки дождя. Я склоняю голову, пытаюсь прикрыться от них, а когда снова поднимаю взгляд, Кобры уже нет.

Щеки становятся мокрыми не только от дождя, но я стираю соленые слезы, а затем поворачиваюсь и бегу в сторону города. Я не обращаю внимания на раскисшие дороги и грязь; я даже не замечаю, что сандалии соскальзывают с ног. Я отчетливо понимаю, что никогда больше не увижу это место.

Я отчетливо понимаю, что никогда больше не увижу мать.

Глава 1. Хозяин Тернового замка

Сначала Коффи почувала чернику.

Приторный, терпкий – сладковатый запах ягод побудил ее очнуться. Она медленно открыла глаза. Стон зародился в горле, едва не вырвался на волю сквозь приоткрытый рот, но инстинкт перехватил его раньше. В тишине осознание оседало на коже, словно хлопья пыли.

Она не знала, где находится.

Жизнь вернулась в кончики пальцев, и Коффи отправила их на разведку, попытавшись ощупать то, что было вокруг. Она поняла, что лежит на чем-то мягком – видимо, на кровати, – а у нее под поясницей сбились льняные простыни. Повернув голову налево, она прижала щеку к холодной подушке. Коффи тут же заплатила за это маленькое движение – боль пронзила основание черепа, а глаза заслезились. Прошло несколько секунд, прежде чем зрение снова прояснилось. И даже тогда она не могла толком осознать, что именно видит.

Она находилась в большой спальне, в которой никогда не бывала раньше. Стены – по крайней мере те, что были видимы в полумраке, – были серыми, цвета сланца. Квадраты маслянистого света пятнали сводчатый потолок над головой, поэтому она предположила, что сейчас утро. Слева что-то блеснуло, и Коффи заметила, что рядом с кроватью стоит столик цвета белой кости. На нем расположился позолоченный поднос с едой. Она увидела нарезанный хлеб, маленькие пиалы с вареньем, сыр и фрукты. Рот наполнился слюной.

Королевская трапеза, – подумалось ей. Она по-прежнему задумчиво рассматривала еду, когда появился новый звук: тихий шелест ткани. Коффи застыла.

Она была не одна.

Сначала она не поняла, почему сразу не заметила двоих, стоявших на другом конце спальни – лицом к эркеру с большими окнами, спиной к ней. Но через несколько секунд осознала: она не заметила их, потому что они стояли почти идеально неподвижно – две статуи, очерченные солнечным светом. Мужчина был высоким, мускулистым и поджарым, с кожей, похожей на высушенную солнцем глину, и коротко обрезанными черными волосами. Рядом с ним стояла женщина – намного ниже ростом, с коричневой кожей на тон темнее, чем у него, и с кучерявой черной афропрической. Кафтан у мужчины был синим, как речная вода, а у женщины – желтым, как цветы календулы. Вдруг мужчина заговорил:

– Сколько еще мы позволим ей спать?

– Скоро мы ее разбудим, – прошептала женщина. Голос ее звучал напевно. – Он ее ожидает.

Коффи застыла на кровати. Она была почти уверена, что они говорили о ней.

Внезапно мужчина начал расхаживать взад-вперед. Коффи было не разглядеть черт его лица, но движения напомнили ей раздраженного льва, который оказался в слишком маленькой клетке.

– Что-то не сходится, – на ходу произнес он. – Прошло много лет с тех пор, как он в последний раз привел сюда новичка. С чего бы ему начать снова?

– Не знаю, – ответила женщина. Она по-прежнему смотрела в окно.

Мужчина остановился, и Коффи наконец смогла разглядеть его лицо. Черты были мягкими, четко очерченными, словно их вырезал опытный скульптор. У мужчины был длинный ровный нос, глаза цвета охры под густыми черными бровями и острые скулы. Только его изогнутый в усмешке рот портил впечатление.

– Он ничего тебе не сказал? – спросил он женщину. – Ничего о том, откуда она или к какой ветви принадлежит?

Женщина наконец повернулась. Даже глядя на нее в профиль, Коффи заметила, что она красива. Лицо у нее было мягкое, с полными розовыми губами и коротким круглым носом. Женщина хмурилась.

– Он говорит мне не больше, чем тебе, – сказала она. – Все, что я знаю – нужно привести ее в главный зал. Больше он ничего не сказал.

Коффи сглотнула.

– И как нам это сделать? – спросил мужчина. Коффи увидела, что он потирает переносицу. – Она все еще без сознания.

– Мы не можем доставить ее к нему в той одежде, в которой она сейчас, – ответила женщина. Коффи заметила, что она понизила голос. – Она грязная. Нужно ее переодеть.

Коффи ощутила, как ускоряется пульс. Она надеялась, что у нее будет больше времени, чтобы придумать план. Она в отчаянии окинула взглядом комнату. Из мебели поблизости были только столик и еще диван в дальнем левом углу, но ни то ни другое не получится использовать в качестве оружия или щита. У этих людей, кем бы они ни были, преимущество. Нужно двигаться быстро, чтобы застать их врасплох.

Думай. Думай.

Золотистый луч солнечного света заставил Коффи снова обратить внимание на поднос, стоявший слева. Рядом с ним лежал серебряный нож для масла. Она медленно вдохнула, собираясь с духом, затем закрыла глаза и попыталась представить, что будет делать. Если она чуть-чуть сдвинется в сторону, то сможет дотянуться до ножа. А если она дотянется до ножа...

– Ладно.

Коффи по-прежнему держала глаза закрытыми, но услышала голос мужчины справа, еще ближе к ней. Она слегка сдвинулась влево.

– Кена, может, лучше тебе...

Коффи рванулась вперед, скатилась с кровати и схватила нож одним не слишком изящным движением. Она почти сразу пожалела об этом – в голове взорвались звезды, потемнело в глазах, но пальцы по-прежнему крепко сжимали тонкую рукоятку ножа. Она сосредоточилась на этом ощущении, на холодном металле, который касался ладони. Комната яростно раскачивалась из стороны в сторону, словно палуба невезучего корабля посреди открытого моря. Коффи споткнулась. На этот раз она не сдержала стон. Она все еще не могла ничего разглядеть, но услышала вскрик. А затем мужской голос:

– О. Ты очнулась.

Коффи яростно заморгала, пытаясь успокоить барабанную дробь в груди и хотя бы сделать вид, что она остается невозмутимой. В ушах звенело, поле зрения по-прежнему перекрывали вспышки, но она разглядела, что мужчина и женщина, которые стояли у окна, теперь оказались по другую сторону кровати, и оба смотрели на Коффи с тревогой. Она поняла, что они оба младше, чем ей показалось поначалу: не мужчина и женщина, а юноша и девушка, которым лет примерно по шестнадцать – как и ей. Юноша нарушил молчание первым.

– Значит, – сказал он, подняв бровь, – наш приветственный завтрак тебе *не понравился*?

Коффи ответила не задумываясь:

– Кто вы?

Голос ее звучал хрипло, словно она не говорила несколько дней. Это пугало. Она попыталась оглядеться, одновременно не выпуская из поля зрения юношу и девушку, но от этого у нее закружилась голова. Она покрепче сжала нож, но, к ее возмущению, юноша лишь бегло окинул его взглядом и ухмыльнулся.

– Это и правда необходимо?

– Это на случай, если вы попытаетесь меня раздеть.

– Мы не собираемся тебя раздевать, – с ноткой усталости в голосе сказал юноша. Он замолчал, затем усмехнулся: – Ну, технически говоря...

– У вас пять секунд. – Коффи не знала, раздражает ли ее это спокойное нахальство или пугает. – Скажите мне, кто вы, где мы и зачем я здесь.

– Или что? – Юноша снова взглянул на нож. Происходящее его явно развлекало. – Бутерброд нам сделаешь?

– *Зайн*. – Девушка, которая до этого момента ничего не говорила, теперь сердито смотрела на юношу. – Думаю, тебе лучше уйти.

Юноша – *Зайн* – ненадолго задумался, а затем пожал плечами и направился к двойным дверям на другом конце комнаты. Он пробормотал что-то, прозвучавшее как «нож для масла», а затем вышел. Коффи выдохнула.

– Извини, – сказала девушка. Она смотрела на Коффи, как на раненое животное, но, как и *Зайна*, нож для масла ее, похоже, не пугал. Коффи вздохнула и разжала пальцы, позволив ему упасть на пол.

– Я понимаю, все это, наверное, очень обескураживает, – мягко продолжила девушка. – Но *Зайн* и я не хотим тебе навредить, мы...

– Кто вы?

– Меня зовут *Макена*, – ответила она. – А ты?

– Коффи.

– Коффи, – повторила *Макена*. – Я *дараджа*, как и ты.

Дараджа. Коффи почувствовала, что это слово, соприкоснувшись с ее воспоминанием, выбило искру, как камень из огня, и за ним в сознании появились другие. *Дараджа*. *Мост*. *Сияние*. Они были разрозненными, но знакомыми, она просто не могла вспомнить почему.

– Из какой ты ветви? – спросила *Макена*. – Я из *Уфунди*.

Коффи растерянно посмотрела на нее. В вопросе *Макены*, похоже, не было подвоха, но в нем не было и смысла.

– Я...

– Ничего страшного. – *Макена* взмахнула рукой. – Можем поговорить об этом позже. Но пока что... – Она посмотрела на двойные двери, а затем виновато взглянула на Коффи. – Тебе нужно переодеться.

Коффи окинула себя взглядом впервые с момента пробуждения. Ее туника из мешковины была перепачкана землей и грязью, но она понятия не имела, как это произошло.

Почему? Почему я не помню?

– У меня есть для тебя кое-какая одежда, – сказала *Макена*. – Если ты не против. – Она отошла на другой конец комнаты и остановилась у дивана. Коффи разглядела на нем аккуратно сложенные вещи. Когда *Макена* развернулась к ней, она держала в руках платье без рукавов. Оно было длинное, со свободным подолом и узкой талией. Ткань покрывал черно-белый набивной геометрический орнамент, а края были расшиты золотой нитью.

– Я сама его сшила, – прошептала *Макена*. – Я... надеюсь, что тебе понравится.

– Нравится, – отозвалась Коффи. – Оно очень красивое. – Это было еще слабо сказано, но других слов у Коффи не нашлось. Она определенно понимала, что не спит, и все же происходящее походило на бессвязный сон. Она чувствовала себя отстраненной, растерянной, словно пыталась ухватить паутину воспоминаний и сплести их во что-то логичное.

Макена положила платье на кровать.

– Я попрошу принести полотенце и лохань с водой, чтобы ты могла помыться, – предложила она. – Но поспеши, у нас мало времени.

– Почему? – Коффи напряглась. – Куда мы спешим?

Макена нервно оглянулась через плечо и направилась к выходу.

– Я отведу тебя в главный зал. Хозяин *Тернового замка* не любит, когда его заставляют ждать.

* * *

Сердце Коффи колотилось в груди, когда Макена вела ее по узкому коридору.

Как и в спальне, где она проснулась, каменные стены здесь были сложены из сланца, который ничуть не защищал от холода. Вокруг по большей части царствовала тьма, и лишь кое-где свет проникал в узкие, как бойницы, окна. Коффи хотелось выглянуть в каждое, мимо которого они проходили, но она заставляла себя смотреть вперед. С каждым шагом в ее сознании возникало все больше вопросов, и ее тревожило, что ответа ни на один нет. Как она сюда попала? Зачем она здесь? Почему она не помнит ничего, что происходило до сегодняшнего утра? В ее сознании эхом отдавались слова Макены.

Хозяин Тернового замка не любит, когда его заставляют ждать.

По крайней мере, ясно, что она в Терновом замке, но кто его хозяин и что ему от нее нужно?

Они свернули в очередной коридор с большим окном слева – через него проникало достаточно утреннего света, чтобы рассеять тьму. Макена прошла мимо не останавливаясь, но Коффи на этот раз удалось выглянуть наружу. У нее перехватило дыхание.

За окном виднелся роскошный сад – перед ней расстилось безупречное пространство изумрудно-зеленой травы. Через каждые пару метров попадались маленькие пруды, выложенные по периметру алебастром, а их зеркально гладкая поверхность отражала оттенки синего и индиго, сверкая на солнце. Ее взгляд метнулся налево, затем направо, тщетно пытаясь различить тысячи цветов, высаженных вокруг беседок и газебо¹, – бесполезно. Она заметила, что все цветы, вне зависимости от размера и расположения, были различных оттенков синего – как небо над головой.

– Восточный сад Тернового замка, – сказала Макена. Она остановилась рядом с Коффи. – Его еще называют Синий сад. Здесь есть еще три, но этот – мой любимый.

Коффи кивнула, хотя едва расслышала слова Макены. Она по-прежнему пыталась осознать увиденное. Восточный сад Тернового замка был, несомненно, прекрасен, но чем дольше она рассматривала его, тем острее ощущалось беспокойство. Ее взгляд скользнул дальше, мимо прудов и клумб, и остановился на аккуратно высаженных в ряд деревьях, явно отмечавших границу сада. Она тут же узнала их – только у акаций такие узловатые и шипастые ветви, – но внимание Коффи привлекло не это. Вокруг них висела стена тяжелого тумана. Вершины большинства акаций были скрыты за ним – за тяжелой и неподвижной серебристо-белой завесой. Даже с этого расстояния Коффи могла представить, как ощущает холод тумана и сырость, которая пропитывает все, к чему он прикасается. Ее пробрала дрожь.

– Это Туманный лес, – не дожидаясь вопроса, сказала Макена. – Он отмечает границу Тернового замка.

Коффи не ответила. Она не могла объяснить, в чем дело, но что-то в этом тумане, в этих деревьях удерживало ее, словно заставляя задержать взгляд еще на секунду. Макена снова заговорила.

– Нужно идти дальше, – сказала она. – До главного зала недалеко.

В молчании они вышли из коридора и двинулись дальше. Когда темнота снова окружила их, мышцы Коффи расслабились. Чем дальше они отходили от окна, в котором был виден туман, тем легче становилось на душе, хотя она и не понимала почему.

Макена остановилась снова через несколько минут, да так резко, что Коффи чуть не врезалась в ее спину. Подняв глаза, она увидела, что они оказались перед двумя огромными дверями из черного дерева, обведенными по периметру выцветшей золотой краской. Рядом

¹ Смотровая площадка, выполненная в форме башни, купола или садового домика на возвышенном месте. – *Прим. ред.*

с ними стоял Зайн и внимательно смотрел на них. Он радостно помахал им, и Коффи, не сдержавшись, нахмурилась в ответ. Зайн фыркнул:

– Рад, что ты пришла, Ножик-для-масла.

Коффи не удостоила его ответом и попыталась сосредоточиться на двойных дверях, но это оказалось непросто, потому что Зайн встал прямо рядом с ней, так что она оказалась между ним и Макеной. Он был по меньшей мере на голову выше, и когда наклонился к ней, их плечи соприкоснулись. Воздух наполнил запах свежестиральной льняной ткани.

– Один совет, – прошептал Зайн. – Постарайся не угрожать никому столовыми приборами.

Что бы Коффи ни собиралась ответить, эти слова застряли у нее в горле, когда двери перед ними распахнулись. Макена и Зайн шагнули вперед первыми, пройдя в проем легко и изящно. Коффи вдохнула, чтобы собраться с духом, и вошла в помещение. И почти тут же застыла на месте.

Это был самый великолепный зал, который она когда-либо видела. Пол представлял собой озеро черного мрамора с белыми прожилками, вдоль двух стен выстроились высокие арочные окна, через которые лился золотисто-розовый свет. Предметов мебели здесь было немного, и взгляд Коффи зацепился за то, что оказалось прямо напротив нее – висевший на стене гобелен. Он был внушительного размера, по крайней мере в два ее роста высотой и безмерно широкий; в центре был изображен огромный раздутый бегемот. Шкура у него была коричневая, блестящая от влаги, а крошечные глазки – черные, как жучки. Казалось, будто он смотрит прямо на нее, возвышаясь на фоне смутно различимого болота. Его белые клыки были оскалены – каждый длиннее ее руки. Напуганная, Коффи быстро отвела взгляд. Что-то в этом гобелене, и конкретно в этом бегемоте, пробудило в ней еще одно воспоминание, но оно исчезло так же быстро, как и появилось.

– Вон туда. – Макена оглянулась на нее и шепотом добавила: – Вон там можно встать.

Коффи проследовала за ней, и все трое остановились в центре помещения. Она осмотрелась и впервые осознала, что они не одни. Повсюду стояли группки людей, и все смотрели на нее. Украдкой Коффи пыталась разглядеть их. Справа были молодые мужчины и женщины в одеждах цвета темно-алой крови; слева – группа, облаченная в разнообразные оттенки зеленого. Она заметила кучку людей, замотанных в легкую голубую ткань, очень похожую на одежду Зайна, и еще четвертую группу в бледно-желтом, как у Макены. Те, кто стоял дальше всего от нее, были одеты в темно-фиолетовый, и она постаралась не думать о том, что – не говоря о том, что они выглядели самыми атлетичными из всех присутствующих, – они выглядели самыми угрожающими. Один из них неприкрыто поморщился, глядя на нее. Коффи вздрогнула и тут же рассердилась на себя за это.

Не показывай страха, – приказала она телу. – Не выдавай страха.

– Все в порядке, – прошептала Макена. – Никто здесь не причинит тебе вреда.

Коффи это совсем не утешило. Она была слишком занята, пытаясь ответить на множество вопросов. Кто все эти люди? Кто из них – хозяин Тернового замка?

Внезапно двойные двери, через которые они вошли, открылись во второй раз. Все взгляды, которые до этого были направлены на Коффи, теперь обратились в ту сторону. Макена и Зайн, стоявшие рядом с ней, напряженно выпрямились. Коффи осознала, что даже она смотрит в ту же сторону и ждет.

Через несколько невозможно долгих секунд в зал вошел мужчина. Он был высоким, с темной охристо-коричневой кожей и кудрявыми черными волосами, подстриженными с боков. На вид достаточно старый – годится Коффи в отцы. Она заметила, что, в отличие от остальных присутствующих, на нем не было цветной одежды; его дашики² была покрыта простым черно-

² Чаще всего красочная одежда, покрывающая верхнюю часть тела, которую носят в основном в Западной Африке. –

белым узором, похожим на тот, что украшал ее платье. Ничего не говоря, он двинулся вперед широкими уверенными шагами. Один за другим присутствующие склоняли головы. В этом человеке чувствовалась беспрекословная власть, и он нес ее, как мантию, к которой привык. Коффи обнаружила, что даже она невольно склонила голову, когда он подошел. Его сандалии невозможно мягко касались мрамора. Она рассматривала собственные ноги, когда услышала его слова.

– Доброе утро, Коффи.

Ее тело пронзила стрела жара, внезапная и быстрая, как удар молнии. Она ощутила, как кто-то коснулся ее руки, и ее склоненная голова словно сама собой поднялась.

Коффи медленно выпрямилась и встретила взглядом с хозяином Тернового замка.

Глава 2. Маленькая мышь

Экон снова считал.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

Он стоял в одиночестве у окна старой аптечной лавки, просевший потолок которой был настолько низким, что он едва не задевал его макушкой. Конечно, когда он впервые попал сюда, он вообще не знал, что это аптечная лавка, но теперь видел признаки этого повсюду. Он насчитал *сорок шесть, сорок семь... сорок восемь* запыленных банок, сложенных на вделанных в стены полках, – банок с жидким, зловещего вида содержимым. В одном углу комнаты был небольшой очаг, в другом – деревянный стол с двумя стульями, за который семейная пара могла бы усесться после тяжелого рабочего дня. Было невозможно понять, сколько времени прошло с тех пор, как лавка приняла последних посетителей, но кислотовато-сладкий запах старых мазей и целебных смесей, которых уже давно здесь не было, по-прежнему висел в воздухе. Экон вдохнул, и его чуть не стошнило.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

Он барабанил пальцами по бедру, пересчитывая хлопья пыли, собравшиеся на глинобитной оконной раме, и трещины, которые разбегались по стенам комнаты, словно тоненькие змейки. Только покончив с этим, он выглянул наружу, любуясь потоками дождя, которые обрушивались на землю меньше чем в метре от него. Он вбирал его запах, звук, пытался найти ритм в его монотонном стуке.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

За завесой дождя он представлял лица троих людей – не шестерых, не девятерых, а троих. Всегда троих.

Раз. Он представлял девушку с каштановой кожей. У нее было лицо в форме сердца с низким широким носом и полными губами, а ее глаза озорно сверкали. Это Коффи, его подруга.

Два. Он представлял молодого человека, похожего на него, но другого. У него были глаза цвета ночного неба, ровно посаженные над длинным носом; аккуратно подстриженные с боков волосы – прическа под стать воину. Это Камау, его старший брат.

Три. Он представлял старика – человека с кустистыми белыми бровями и ртом, вокруг которого от смеха залегли морщины. Экона пробрала дрожь, когда это лицо преобразилось, а улыбка стала злобной и кривой. Этот человек когда-то был его наставником – брат Уго.

Нет. Экон поправил себя. Не было брата Уго. Брат Уго никогда не существовал.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

Он попытался сдержать нити новых воспоминаний, которые сплетались в узлы. Он ловил отсветы образов, выхватывал фрагменты слов, которые по-прежнему было больно вспоминать.

Я знал, что ты будешь другим, знал, что ты не подведешь меня, – шептал старик. В мыслях Экон видел, как стоит посреди прекрасного сада, наблюдая за тем, как цветы вянут и умирают. Горло сжалось, и он заставил себя считать, пока не расслабился снова.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

Ты подходил идеально. – Голос старика, скрипучий, как тростник, звучал в ушах. – *Ты был усердным, ты отчаянно искал одобрения. Поэтому тебя легко было превратить в то, что мне нужно.*

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три.

Брата Уго не существовало.

Экон крепко зажмурился и стал считать быстрее, сосредоточившись на числах. Числа никогда не менялись, они всегда были одни и те же, в них всегда был смысл – вот только теперь это не работало. Брат Уго оказался лишь маской. Сколько признаков этого он пропустил? Этот

старик стоял за всем случившимся, сколько улик были на виду? Иногда Экону казалось, что их вовсе не было, иногда – что он насчитал три тысячи. Пальцы забарабанили по бедру еще быстрее. Когда над головой раздался раскат грома, его дыхание стало поверхностным, а зрение – туннельным.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два...

– Тебе не следует стоять у окна.

Экон резко повернулся в ту сторону, откуда донесся скрипучий голос, вернувший его обратно в реальность. В паре метров от него стояла старуха и осторожно рассматривала его. Белые седые волосы выбились из-под платка, а лицо бороздили глубокие морщины. За три дня, что он провел здесь, Экон так и не привык к тому, насколько тихо она передвигалась.

– Это небезопасно, – продолжила она, глядя ему через плечо. – Кто-нибудь может тебя увидеть.

Экон одним широким шагом отодвинулся от окна.

– Прости.

Тэмба по-прежнему не отводила от него пронизывающего взгляда.

– Уверен, что хочешь пойти?

– Да. – Туннельное зрение отпускало. Экон ощутил, что сердце успокаивается. – Я готов.

Тэмба подняла седую бровь.

– Ты быстро исцелился от отравления сиянием. – Она фыркнула. – Но твои телесные раны еще не зажили.

Экон выпрямился. За последние два дня большинство царапин и порезов зарубцевались – и, что характерно, с тонкой кожи под подбородком почти сошли синяки, – но внутри оставались другие раны, и он ощущал их с каждым движением.

– Я в порядке, – соврал он.

Тэмба поджала губы, будто только что откусила лимон.

– Это рискованно...

– Тэмба, пожалуйста. Я хочу уйти. Я могу вынести больше, чем ты. – Он хотел бы найти способ объяснить, что чувствует, но не знал, как произнести это вслух – что сейчас ему как никогда нужно ощутить себя полезным, сильным, способным действовать. Несколько секунд он смотрел ей в глаза, и, возможно, она прочла в его взгляде несказанное вслух, потому что ее лицо внезапно смягчилось, и теперь на нем проступило неохотное смирение.

– Не поднимай головы и надвинь капюшон поглубже, – сказала она. – И возьми это. – Она достала маленький мешочек с монетами из кармана туники и вложила в его ладонь.

– Тэмба. – Экон посмотрел на свою руку – старуха сжала его пальцы вокруг кошелька. – Я не могу это взять.

– Можешь и возьмешь, – резко запротестовала она. – Тебе нечем платить, а мы не можем рисковать, идя на кражу или бартер – в нынешней-то обстановке.

Экон слотнул. Во взгляде Тэмбы появилась жесткость, которую он узнал. Ее глаза были совсем как глаза Коффи. *Конечно, совсем как они*, – напомнил он себе. – *Они же родственники*. Трех дней оказалось недостаточно, чтобы полностью это осознать.

– Не спеши и будь осторожен. Держись в тени, если будет нужно, – продолжала Тэмба. – И помни, если тебе покажется, что тебя заметили...

– Не заметят, – сказал Экон. Он не дал ей закончить предложение – знал, что она собиралась сказать: *Если тебе покажется, что тебя заметили, не тревожься о еде, припасах или обо мне. Спасайся сам*.

Это не вариант для него – не сейчас.

Раз-два-три, – сосчитал Экон. Технически это был третий день с Тэмбой, и его присутствие истощило ее запасы еды. У них не было других вариантов и не было права на ошибку.

Не дожидаясь, пока Тэмба скажет что-то еще, он схватил пустой мешок и по-прежнему сырой плащ с капюшоном. Слишком мал для него, но сойдет.

– Я вернусь, – сказал он, оглянувшись. Затем, не дожидаясь ответа, он распахнул дверь и шагнул в поток воды.

Он промок насквозь за несколько секунд.

Грязь и лужи глубиной по щиколотку колыхались вокруг его ног. Он присоединился к потоку людей, которые целеустремленно шли куда-то сквозь дождь. Оловянно-серое небо с паутиной черных прожилок выглядело так, будто уже наступил ранний вечер, но на самом деле была середина дня – все дело в сезоне дождей. Экон поскользнулся в грязи и поморщился, случайно прикусив язык до крови. Сейчас в это сложно поверить, но когда-то ему нравилось это время года. Сезон дождей в Лкоссе доставлял немало головной боли Братству, поскольку становилось больше бродяг, которые приходили к храму искать убежища. Но Экон с нетерпением ожидал этого времени года. Сильные дожди означали, что не будет тренировок и спаррингов на площадках перед храмом, а значит, оставалось время на занятия, которые он любил больше, – тихое времяпрепровождение в библиотеке, а иногда – гонки бумажных корабликов с братом. Теперь казалось, что эти моменты вырваны из другой жизни – жизни, которой больше нет.

Экон уклонился вправо, резко свернул на одну из более узких дорог, ведущих к главному рынку. На самом деле это был не самый быстрый способ туда добраться – но самый безопасный; он не мог рисковать подцепить слежку даже в районе Чафу. Толпы людей стали гуще, когда он подошел к рынку, и он старался идти не слишком быстро и не слишком медленно. Сначала он услышал характерные звуки – яростное хлопанье полотнищ на ветру вперемешку с выкриками торговцев, озвучивавших свои предложения. Он поднял взгляд и сосчитал.

Шестнадцать торговых палаток, по четыре с каждой стороны, выстроены в квадрат. Тэмба сказала ему, что им нужно, и он, не теряя времени, двинулся по рынку, отыскивая необходимое. Он купил бывшие в использовании тыквенные бутылки, два дешевых холщовых мешка, набрал вяленого мяса и сушеных фруктов. Это напомнило ему, как совсем недавно они с Коффи тоже ходили по этому рынку, готовясь к вылазке в Великие джунгли. И это тоже было словно в другой жизни. Он как раз взял последний предмет по списку, когда шум перекрыли два голоса.

– Жалко, что не разрешают забрасывать камнями. – Первый голос, огрубевший, похоже, принадлежал немолодой женщине. – У меня рука натренирована.

Экон насторожился и замедлил шаг, окидывая взглядом толпу. Наконец он разглядел двух женщин, которые стояли под навесом одной из лавок, явно ожидая, пока дождь утихнет. Он не ошибся в своем предположении – первая женщина была старше; ее косы, доходящие до талии, были отмечены сединой. Та, которая стояла рядом, выглядела немного моложе.

– Думаю, так даже лучше – что отец Олуфемии уничтожил чудовище не прилюдно, – сказала она, почтительно склонив голову. – Это было порождение зла, демон.

Они говорили о Шетани. Экон отвел взгляд, но невольно подошел ближе, чтобы послушать. Его ладони стали липкими, когда он вспомнил все, что происходило несколько дней назад. Коффи. Брат Уго. Адия. Схватка в небесном саду.

– Думаю, да, – согласилась старшая. Экон украдкой взглянул в ее сторону и заметил, что она медленно кивает. – Да благословят боги Сынов Шести. Не знаю, что бы мы без них делали...

Экон отошел от женщин, стараясь не обращать внимания на гнев, закипавший внутри. Конечно, отец Олуфемии и Сыны Шести нашли способ все скрыть. Сказали, что Шетани уничтожили без свидетелей и благодаря этому сохранили свою репутацию безупречной. Монстра, который терроризировал город, больше не было, а благодарность за его уничтожение досталась воинам. Жители Лкоссы никогда не узнают правду – что монстра вообще никогда не было, только люди и их отвратительные тайны.

И ты был одним из них, – прошептал голос в голове. – Многие годы ты тренировался с ними, жил среди них. Они были твоей семьей.

Экон ощутил, как пылающий гнев превращается во что-то другое – во внезапную волну тошноты, горечь на языке. Он знал, что этот вкус стыда обманчив, но проглотить его все равно было тяжело. Он подумал о всех тех годах, когда наблюдал за Сынами Шести и восхищался ими, вызывался мыть за ними посуду и чистить их оружие. Сколько ночей он чистил кинжалы, которыми убивали детей? Сколько ночей мыл посуду за убийцами?

Сколько знаков он пропустил?

Стоя под проливным дождем, он ощутил, что ему не хватает воздуха, стало трудно дышать. Знакомая тяжесть в груди давила, так что расправить легкие было все сложнее, а во рту стало совсем сухо – он узнавал признаки подступающей панической атаки. Руки крепко сжались в кулаки, темнота подступала с периферии зрения, и он отчаянно стиснул зубы.

Не сейчас, только не сейчас.

Он больше не мог дышать, его сознание заполнил смех старика, холодный и безжалостный, шум рынка отступал, и Экону показалось, что он вот-вот упадет.

А потом что-то привлекло его взгляд.

Черное марево на периферии зрения отступило, как волна в отлив, когда он увидел девушку в нескольких метрах от него. Кожа у нее была цвета дерева марула, лицо – два черных, как вороново крыло, глаза, широкий нос, изогнутые губы. Плащ скрывал большую часть головы, но капюшон был чуть сдвинут назад – достаточно, чтобы разглядеть кудрявые черные волосы. Сначала Экон задумался, что же привлекло его внимание, но потом понял. Дело было совершенно не в том, как девушка *выглядела* — он заметил ее из-за того, как она двигалась. Все остальные на рынке неспешно переступали и кружили, разглядывая товары, а она шла целеустремленно, глядя прямо вперед. Она прошла мимо двух торговцев тканью, и Экон заметил, что у нее на плече висит небольшая сумка, которую она явно старается защитить от дождя. Она прошла мимо Экона, и тут он разглядел кое-что еще. И тут же прищурился. В нескольких метрах у нее за спиной, достаточно далеко, чтобы оставаться незамеченными, следовали двое мужчин, не отводя взглядов от ее спины. Экон напрягся. Он догадывался, что это за мужчины и какие у них планы насчет девушки.

Держись на виду, – хотелось ему сказать ей.

У него упало сердце, когда она сделала нечто совершенно противоположное – свернула на одну из боковых улиц, ведущих в сторону от рынка, и скрылась за углом. Он увидел, как мужчины, ускорив шаг, последовали за ней.

Это не твое дело, – сказала практическая часть его сознания – та, которая по-прежнему думала о продуктах. – Это тебя не касается. Возвращайся к Тэмбе.

Этот голос был прав, правильнее – и *разумнее* — было бы развернуться, но затем, совершенно неожиданно, его ноги пришли в движение, ведя его в том направлении, куда скрылась девушка. Он быстро завернул за тот же угол и остановился.

– Давай, девочка, нам много не надо, – произнес грубый хриплый голос. – Просто поделись тем, что у тебя в сумке, и мы мирно разойдемся.

Экон прижался к стене. Улочка вела в тупик, и он видел, что девушке с рынка уже некуда отступать. Она вцепилась в лямку сумки. Ее темные глаза блестели, но дрожь подбородка выдавала страх.

– Отвали! – Голос у нее был слишком высокий и дрожащий, чтобы кого-то убедить. – Я сказала *нет!*

– Или что? – сказал один из мужчин. – Ты нам что-то сделаешь, *маленькая мышка?*

Он попытался схватить сумку, но девушка увернулась, отбив его руку. Мужчина зашипел, а другой захохотал.

– Ах, у нашей маленькой мышки душа гадюки, – сказал он. – По крайней мере, так будет интереснее.

Второй мужчина не смеялся. Он бросился вперед, и девушка отпрыгнула, едва удерживая сумку вне пределов его досягаемости. Ей почти сразу пришлось развернуться в другую сторону, потому что другой тоже попытался ухватить ее. Теперь мужчины норовили отобрать сумку по очереди. У Экона упало сердце. Он достаточно долго прожил в Лкоссе, чтобы понимать, что они делают. Таких мужчин называли уличными гиенами не без причины: они действовали так же, как и животные, – играли с добычей, пока та не устанет, а затем наносили смертельный удар. Он не сомневался, что девушка смогла бы защититься от одного из них, но ей нечего было противопоставить отработанной стратегии. Один из них взмахнул рукой снова, и в темных глазах девушки вспыхнуло что-то дикое, лихорадочное. У Экона сжалось сердце. Она все больше походила на загнанного зверька.

Он позволил собственному мешку соскользнуть с пальцев и шагнул вперед.

– Оставьте ее в покое!

Все трое – двое мужчин и девушка – подняли взгляды с одинаковым удивлением. Первым заговорил один из мужчин:

– А ты еще кто?

Экон сглотнул:

– Я сказал оставить ее в покое.

Второй мужчина несколько раз перевел взгляд с Экона на девушку и обратно, а затем улыбнулся, оскалив зубы.

– Похоже, у нашей маленькой мышки есть приятель. – Он насмешливо поглядел на Экона: – Это должно быть весело.

– Такой тощий, и на мужчину не похож, – сказал первый. – Мы с ним быстро разберемся.

И на мужчину не похож. Это были просто слова, но Экону показалось, будто они вонзились ему под ребра. Он поморщился, ощущая, как что-то пробуждается в глубине груди. Слова эхом отдавались в сознании.

И на мужчину не похож.

Несколько дней назад Тэмба нашла для него старую тунику. Она была чистая, простая и в целом сидела хорошо. Но Экон только сейчас осознал, что это значило. На нем больше не было униформы Сынов Шести – в нем больше не видели мужчину.

Раз-два-три.

Ощущая, как болезненно напрягаются мышцы и раздуваются ноздри, Экон наблюдал, как улыбки исчезают с лиц мужчин.

– Полегче, парень, – сказал один из них, поднимая руки. – Нам не нужны проблемы...

Экон не дал ему договорить. Обеими руками он изо всех сил толкнул его в грудь и с наслаждением увидел, как тот опрокинулся, поднялся и убежал. Краем глаза он заметил, что второй двинулся к нему, но Экон был быстрее. Годы тренировок в храме Лкоссы вернулись к нему, словно он встретил старого знакомого.

Уклониться. Обезоружить. Обезвредить.

С легкостью он уклонился от неуклюжей попытки мужчины ударить слева, сделал обманное движение, затем контратаковал наискосок, нанеся серию быстрых ударов кулаком. Экон услышал, как воздух шумно покидает тело мужчины, когда костяшки с характерным звуком впечатались в его скулу. Рука отозвалась болью. Мужчина упал на землю, со стоном свернулся клубком и попытался прижать руку к пострадавшей стороне головы, но Экон обрушился на него сверху, прижав колено к груди так, чтобы тот не мог пошевелиться.

– На мужчину не похож, – произнес он сквозь зубы. – Сам увидишь, кто тут *на мужчину не похож*.

Он опустил кулак и наконец осознал, как зовут монстра, который ожил в его груди – это была ярость, и она одобрительно зарычала, когда он обрушил на мужчину град ударов.

Я хорошо тебя учил.

Экон остановился и поежился от голоса в сознании, болезненно похожего на голос брата Уго.

Молодой и сильный, умный и дотошный, – говорил старик. – Ты подходил идеально... Легко превратить в то, что мне нужно...

Экон пошатнулся, чувствуя, как тошнота подступает к горлу. Он поморгал, пока лицо брата Уго не исчезло. Затем огляделся по сторонам и посмотрел вниз. Он по-прежнему прижимал мужчину к земле; его лицо было изуродовано до неузнаваемости, он едва дышал. Экон посмотрел на свои руки – они были перепачканы кровью и болели. Лоб покрылся пленкой пота, затем он ощутил липкий холод. Взгляд Экона блуждал в темноте. Вскоре он остановился на девушке.

Она по-прежнему стояла в конце переулочка, в нескольких метрах от него, совершенно неподвижная. Экон ожидал увидеть на ее лице какие-то эмоции – страх или, может, даже отвращение, – но не видел ничего; ее лицо было совершенно нейтральным. Она снова натянула капюшон, скрывая лицо, и прижала сумку к груди. Через несколько секунд Экон медленно выпрямился. Девушка напряглась.

– Все в порядке. – Экон быстро поднял руки, слишком отчетливо ощущая, что стоит рядом с бессознательным телом другого мужчины. – Я... я не причиню тебе вреда. Я просто хотел помочь.

Внезапно девушка ожила и неожиданно быстро сорвалась с места. В одно мгновение она стояла, прижавшись к стене, в тупике, в следующее уже исчезла за углом, оставив Экона одного в темноте.

Глава 3. Тупой нож

Слова ворочались у Коффи на языке, но она не могла произнести их вслух.

Секунды текли до жути медленно. Она ощутила, как взгляды всех присутствующих снова обратились на нее, на этот раз так сосредоточенно, что ее кожу словно кололи десятки иголок. В воздухе повисло предвкушение – казалось, все ожидают, что она что-то скажет. Но как она ни пыталась, губы не слушались. Пульс ускорился, она смотрела в глаза хозяину Тернового замка, разрываясь между всепоглощающим страхом и неприкрытым преклонением. Ранее ей показалось, что этот человек по возрасту годится ей в отцы, но... чем дольше она на него глядела, тем меньше она была в этом уверена. Он словно был вне возраста. Она всмотрелась в его глаза – они были невозможно черными, обрамленными красноватой охрой. Они напоминали Коффи остывающие угли в потухающем очаге. Что-то в них казалось опасным, но привлекательным, чуждым, но одновременно знакомым. Она огорченно нахмурилась, не в силах ответить на грызущий ее вопрос.

Почему я не могу вспомнить?

– Добро пожаловать в Терновый замок, – сказал мужчина, которого, похоже, ничуть не беспокоила неловкая пауза. – Надеюсь, тебе понравилась твоя комната. – Он наклонил голову. – Скажи мне, как ты себя чувствуешь?

Как она себя чувствует? Коффи не ожидала этого вопроса, он обезоружил ее. Она не хотела признаваться в этом вслух, но на самом деле чувствовала себя совсем не хорошо. Голова по-прежнему раскалывалась, пустой живот крутило. В этом помещении было прохладно, и к ее коже приставала какая-то странная липкость, так что ткань платья под мышками и у шеи стала сырой. Но все это не слишком беспокоило ее по сравнению с неотступным ощущением, что она по-прежнему не помнит чего-то жизненно важного, какое-то ускользающее знание, которое неуловимо мелькает на задворках ее сознания.

– Почему я здесь? – Голос у нее был уже не такой хриплый, как раньше, но ей по-прежнему было неприятно оттого, каким слабым он казался в сравнении с голосом этого человека. В ответ на лице хозяина Тернового замка промелькнуло удивление.

– Ты не помнишь, – мягко произнес он. Коффи ощутила, как внутри скапливается настояженность, обвивая змеей ее грудную клетку и сдавливая. *Ты не помнишь.* Она не понимала, что он имел в виду. Это было утверждение, не вопрос. Прежде чем она успела ответить, хозяин Тернового замка продолжил.

– Хочешь знать, почему ты здесь? – спросил он громче, на этот раз явно обращаясь и ко всем присутствующим. – Это справедливый вопрос, и, наверное, не ты одна им задаешься.

Впервые с момента, как мужчина вошел в помещение, Коффи взглянула на остальных. Они по-прежнему смотрели на нее, но теперь, когда она вглядывалась в них внимательнее, она видела в их лицах скорее не враждебность, а неуверенность. На некоторых отчетливо читалось любопытство. Похоже, все они, как и она, ожидали, что произойдет дальше. Вдруг хозяин Тернового замка повернулся, вытянув руки в стороны и обращаясь ко всем.

– Дети мои. – Его голос звучал мягко. – Некоторые из вас живут в Терновом замке достаточно долго, чтобы помнить, что однажды я создал это место как личную резиденцию. – Он довольно улыбнулся. – Но оно стало чем-то намного большим. Теперь Терновый замок – это пространство для обучения, дом братства и прежде всего прибежище для тех, чьи дары и таланты могли бы иначе пасть жертвой невежества. – Он немного помолчал, давая всем проникнуться его словами. – Терновый замок – это маяк надежды для дарадж, место, где все вы можете отдыхать, зная, что вы в безопасности.

Коффи огляделась и увидела, что многие согласно кивают. Некоторые даже улыбались.

– Но у меня было еще одно желание, – продолжал он. – Я мечтал, что однажды смогу воплотить в жизнь мир, где дараджам не нужно бояться преследования и насилия просто за то, что они родились такими, какие есть. Я мечтал о лучшем мире.

Коффи заметила, какой эффект эти слова произвели на аудиторию. Многие люди в цветных одеждах наклонились вперед, словно чем ближе они были к хозяину Тернового замка и его словам, тем ближе было и их воплощение в реальность. Некоторые сложили руки, словно в молитве, а другие смотрели на него с неприкрытым благоговением. В мыслях Коффи мелькнуло воспоминание о словах, которые Макена сказала ей в спальне.

Я дараджа, как и ты.

Коффи окинула помещение новым взглядом, осознавая, что за люди стоят вокруг.

Они дараджи, – поняла она. – Все они.

– Многие годы я искал, – продолжал мужчина, – приглашал дарадж самого высокого уровня, чтобы они остались здесь, в Терновом замке, надеясь, что однажды найду того, кто обладает достаточной *силой*, чтобы помочь мне в этом правом деле. – Он снова медленно повернулся к Коффи. Их разделяло немногим больше метра, так что она увидела, как изменилось его лицо. В его взгляде горела яростная восторженная страсть. Она видела, как его губы выговаривают слова.

– И сегодня я рад сообщить вам, что мой поиск окончен, – сказал он. – Мы наконец-то нашли нашу избранную. Ее зовут... Коффи.

В зале раздались громогласные аплодисменты, и Коффи тут же ощутила, как у нее перехватывает дыхание. Кровь зашумела в ушах, заглушая все вокруг. Словно издали доносились звуки аплодисментов, топот, даже радостные выкрики. Она чувствовала, что стоящие рядом Макена и Зайн смотрят на нее, но не посмотрела в ответ, боясь увидеть, что написано на их лицах. Она не могла. Во рту пересохло. С каждым ударом лихорадочно бьющегося о грудную клетку сердца она слышала отдающиеся в сознании слова хозяина Тернового замка.

Избранная. Мы наконец-то нашли нашу избранную.

В этих словах не было никакого смысла. Она не могла быть избранной для этих людей – она даже не знала, кто они. Она по-прежнему не знала, как попала сюда и *почему* оказалась здесь. Острая паника сжала горло, так что дышать становилось труднее и труднее. Происходило что-то очень неправильное.

Аплодисменты продолжались. Хозяин Тернового замка показал направо. Коффи с нарастающей тревогой увидела, как из группы людей в зеленом выступила девочка, держа что-то в руках.

– Подарок, – сказал он, – в честь этого непревзойденного момента.

Коффи смотрела, как девочка идет вперед. Ей было около четырнадцати. Кожа темно-коричневая, как у Коффи, а волосы заплетены в десятки косичек, украшенных золотыми бусами. На ней была темно-зеленая туника чуть ниже колен. Коффи показалось, что сама она одета чересчур пышно. Когда девочка подошла ближе, Коффи увидела, что она держит в руках букет роз на длинных стеблях. Это были самые большие, самые красные розы, которые она когда-либо видела – одна другой больше. Девочка остановилась перед Коффи и протянула цветы ей, склонив голову.

– Для тебя, – прошептала она.

Коффи взяла их – не потому, что хотела, а потому, что не знала, что еще делать. Девочка сделала реверанс и отошла, встав за спиной хозяина Тернового замка.

Избранная. Это слово будто разрасталось в голове Коффи, вытесняя другие мысли. Это неправильно, она никакая не избранная для этих людей, так почему они смотрят на нее, будто это правда? Каждый хлопок аплодисментов словно молотом бил по вискам. От болезненно-сладкого запаха роз, которые она держала в руках, подташнивало. Это было чересчур, все это чересчур. Макена и Зайн отошли, чтобы дать ей больше пространства, и она внезапно

ощутила себя невероятно одинокой. Она опустила взгляд. Зрение начало туманиться. Она попробовала сфокусироваться на своих ногах, но они расплывались. Коффи сильно прикусила щеку, и острая боль помогла сосредоточиться.

Не здесь, – твердо сказала она себе. – *Нельзя потерять сознание здесь.*

– Коффи.

Услышав, как мужчина тихо произнес ее имя, она подняла взгляд и неожиданно обнаружила, что хозяин Тернового замка подошел еще ближе. В помещении, наполненном людьми, ей казалось, что сейчас здесь нет никого, кроме них.

– Расслабься, – успокаивающе проговорил он. – Ты теперь свободна. Ты дома.

Дом. С момента, когда она проснулась в этом странном месте, Коффи пыталась найти что-то, что поможет ей вспомнить. А в итоге оказалось достаточно одного слова. *Дом.* Она представила, как свет пронизывает туман, наполнявший сознание, и рассеивает его.

Дом.

Воспоминания обрушились на нее с пугающей живой четкостью. Ниточка, которую она до этого безуспешно пыталась поймать, теперь сплеталась в толстые косы, а в уме возникали картины. *Дом. Лкосса.* Теперь она помнила все: Ночной зоопарк, где она провела большую часть жизни, работая вместе с мамой и Джабиром; разрушительный пожар, который все изменил. Она вспомнила сделку, которую заключила с владельцем Ночного зоопарка, Баазом, и свою цель, и... джунгли. Великие джунгли.

Картины проносились в сознании все быстрее, сменяя друг друга, словно страницы книги. Она закрыла глаза, и вот она уже не стояла посреди прекрасного зала – она была на вершине самой высокой башни храма Лкоссы, в саду, куда можно было забраться через люк в полу. Боль пронзила ее, когда она вспомнила, как кричал Экон; услышала первобытный рев чудовища, которое бросилось вперед. Нет, не чудовища – девушки, превращенной в чудовище силой, которую ей пришлось поглотить; девушки, которая принесла себя в жертву, чтобы спасти город от страшной участи. Коффи теперь помнила, как ее зовут.

Адия.

Она открыла глаза и ощутила, что ноги едва держат. Люди, стоявшие вокруг, по-прежнему улыбались, хлопали, а она по-прежнему держала в руках прекрасные розы. Она ощутила, как шип впился в кожу, сглотнула желчь и посмотрела на стоявшего перед ней мужчину новым взглядом. Она узнала его – и он вовсе не был человеком. По крайней мере, ответ на один вопрос теперь у нее был.

Она поняла, кто такой хозяин Тернового замка на самом деле.

– Коффи? – Если Феду, бог смерти, и мог читать ее мысли, он наблюдал за ней, не показывая этого. – С тобой все в порядке?

– Нет.

Краем глаза Коффи заметила, как Зайн резко повернул голову в ее сторону, и одновременно с этим услышала вскрик Макены. Она повторила еще раз, громче:

– Нет.

На этот раз ее голос эхом разнесся по залу, и все замолчали. Феду наклонил голову, насмешливо глядя на нее.

– Нет? – повторил он.

– Я не ваша избранная, – сказала Коффи. – И никогда ей не буду. То, что вы делаете – неправильно, и я не собираюсь с этим помогать.

Зал наполнился тихим гулом – звуком голосов и шепота. Теперь дараджи смотрели на нее с тревогой и беспокойством. Феду поднял брови, и Коффи стало неприятно от того, насколько искренне он изображает растерянность. Он сплел пальцы.

– Я стремлюсь создать мир, где дараджи будут в безопасности, – произнес он. – Ты считаешь, что это неправильно?

– Ты хочешь *не этого*, – ответила Коффи. Она продолжила, изо всех сил стараясь скрыть дрожь в голосе: – Ты хочешь смерти и разрушения. – Она взмахнула рукой. – Знают ли эти люди, что ты совершал во имя своего лучшего мира? Знают ли они, как ты заставлял людей убивать за тебя, как ты воспользовался невинной девушкой?

Губы Феду изогнулись в насмешливой улыбке.

– Вот что тебе напела Певчая птичка, да? Что я ей воспользовался? – Он с неприкрытым разочарованием покачал головой: – До того, как Адия сбежала, я лишь пытался ей помочь. Я хотел, чтобы она смогла максимально раскрыть свой потенциал. Сила, которую я ей показал, делала ее красивее, могущественнее. Она становилась подобна богу.

– Она им не была. – Коффи поморщилась. – Она превратилась из-за тебя в чудовище.

Феду открыл рот, потом закрыл его. Он смотрел на Коффи почти с восхищением.

– Вот так все просто? – мягко спросил он. – Я прожил достаточно долго, чтобы знать: единственная разница между добром и злом – это восприятие, а единственная разница между богом и монстром – точка зрения.

– Ты убьешь миллионы, чтобы создать свой новый мир, – прошептала Коффи. – Ты уничтожишь целый континент.

Феду пожал плечами, и небрежность этого движения пугала сильнее, чем все, что он говорил до этого.

– Гусеница не завершит превращение, если не разорвать кокон, – так же мягко произнес он. – Прогресс всегда требует жертв.

– Говори что угодно, – произнесла Коффи сквозь стиснутые зубы. Она так сильно злилась, что ее трясло. – Держи меня здесь сколь угодно долго. Но знай – я никогда, никогда не стану тебе помогать.

Когда она это сказала, все хором ахнули, но Коффи было уже все равно. Она смотрела прямо в глаза Феду и ждала. Она ожидала гнева, ярости, может быть, даже разочарования. Но от того, что она увидела на лице бога, у нее похолодела кровь. Феду снова смотрел на нее с насмешкой.

– Это даже пугает, – сказал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к ней. – Вы обе так отличаетесь, и все же... ты так похожа на нее. – Он погладил подбородок.

Внезапно бог шагнул в сторону с нечеловеческой скоростью – так быстро, что Коффи не успела понять, что происходит. Она услышала резкий крик, а затем с ужасом встретила взглядом с маленькой девочкой, которая подносила цветы. Та стояла на цыпочках, почти висая на прекрасных увитых бусинами косах – косах, которые теперь были крепко намотаны на кулак Феду, держащего девочку в воздухе. По ее щекам катились крупные слезы.

– Господин! – Ее голос был тонким и отчаянным. – Пожалуйста...

– Прекрати! – Розы упали на пол, когда Коффи шагнула вперед. Она неотрывно смотрела на голову девочки и видела каждый участок кожи, где натянутые волосы причиняли боль. Ей показалось, что она даже слышит, как они рвутся.

– Прекрати, отпусти ее!

Феду лениво посмотрел на девочку и бросил ее на землю, как мешок ямса. Она всхлипывала, прижав ладони к голове. На это было больно даже смотреть. И чем дольше Коффи смотрела, тем сильнее ее мучило.

– Значит, вы и в этом похожи, – прошептал Феду. Затем он снова повернулся к Коффи и откашлялся: – Я просто бог, Коффи. – Вся доброжелательность исчезла из его голоса. – А ты умная девочка, какой когда-то была и Адия. Поэтому я думаю, что нет нужды в скрытых угрозах. Ты заключила со мной бартер. Ты предложила сделку: твоя жизнь за жизнь Адии, твое служение за ее служение. Теперь давай проясним условия нашего соглашения. *Ты будешь мне подчиняться*. Если нет, то за твое непокорство будут платить другие. Мы поняли друг друга?

Коффи не поднимала глаз на Феду – вместо этого она смотрела на девочку, которая по-прежнему сидела на земле. Она обхватила себя руками, и в ее глазах читалось одно: страх. Коффи был знаком этот взгляд: взрослея в Ночном зоопарке, она постоянно жила рядом с подобной угрозой. Во взгляде девочки она видела мать, Джабира, Экона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.